

болгарские рукописи, хранившиеся, к примеру, в библиотеке Троице-Сергиевой лавры, поступили сюда рано, в конце XIV—начале XV в., так как отдельные рукописи имеют владельческие записи Троицкого монастыря XV в. Не исключено даже, что частично эта коллекция лаврских славянских рукописей составила в самой лавре, т. е. они были написаны ее монахами — южными славянами. Такова сербская (?) рукопись Поучений Исаака Сирина 1381 г. с превосходными киноварными инициалами и заставками балканского и неовизантийского стиля (ГБЛ, ф. 304, № 172), болгарская рукопись Слов постнических Василия Великого 80—90-х годов XIV в. тоже с изящными заставками (ГБЛ, ф. 304, № 129), болгарская же рукопись второй половины XIV в. Толкований на псалмы блаженного Никиты, митрополита ираклийского (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 18), и Беседы Григория, папы римского, начала XV в. (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 34). Образцы орнамента в этих и других, подобных им, рукописях внимательно изучались, и от начала XV в. начинается уже последовательная цепь рукописей русского происхождения, в которых мы видим точно такие же заставки и такие же инициалы.¹²

Но как бы много не подвизалось в русских городах и монастырях сербских и болгарских писцов-монахов, все же не они одни внедряли в книгописную практику своих русских собратьев новые принципы художественного оформления рукописной книги. Параллельно с их деятельностью развивалась широкая по масштабам книгописная деятельность русских и южнославянских писцов, живших и работавших не на Руси, а в славянских монастырских колониях Константинополя и Афона. С внешней стороны рукописи, написанные в Константинополе и на Афоне русскими писцами, не имели никаких отличий от рукописей, написанных там же сербами или болгарами, потому что одинаковые условия, в которых протекала деятельность русских и южнославянских писцов на греческом и грекославянском Востоке, и постоянные контакты между ними способствовали сближению их искусства. Поэтому в русских рукописях, написанных в Царьграде и на Афоне, новые орнаментальные композиции утвердились намного раньше, чем в русских рукописях того же времени северного происхождения, а их посылка в московские, подмосковные, тверские или новгородские монастыри имела такое же значение, как и посылка подлинных южнославянских рукописей или точных копий с последних.

Особенностью большинства русских и отчасти славянских мастерских письма в Царьграде и на Афоне была их заметная ориентация на русского читателя, притом на такого, который жил не на Востоке, а непосредственно в России. Существовали даже такие писцы, которые на протяжении многих лет списывали книги или собирали их и, не задерживая их у себя, посылали на Русь. В наших рукописных собраниях имеется много подобных рукописей константинопольского и афонского происхождения, и в целом они рисуют весьма яркую картину взаимных связей южных и восточных славян на почве их общения в монастырских мастерских письма Царьграда и Святой Горы.

¹² Приведу примеры из рукописного собрания Троице-Сергиевой лавры: Лествица 1412 г. (ГБЛ, ф. 304, № 156), Поучения аввы Доротея 1414 г. (ГБЛ, ф. 304, № 165), Диоптра инока Филиппа 1418 г. (ГБЛ, ф. 304, № 190), второе Евангелие Никона Радонежского 10—20-х годов XV в. (ГБЛ, ф. 173, Фунд., 138), Книги Иоанна Лествичника и аввы Доротея с прибавлениями 1423 г. (ГБЛ, ф. 304, № 167), Сборник 1425 г. (ГБЛ, ф. 304, № 185), две половины Пролога 1429 г. (ГБЛ, ф. 304, №№ 715 и 717) и множество недатированных рукописей.